

DOI: 10.33184/dokbsu-2022.4.7

Нарративные черты деградации политического дискурса в медийной коммуникации

З. З. Чанышева

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: chanyshevazz@yandex.ru

В статье обсуждаются лингвистические особенности политического дискурса, отражающие нарративные черты деградации его качества при освещении событий в медиакоммуникации. Деградация политического дискурса как результат субъективизации рассмотрена на примере деструктивной направленности медиатекста. Установлены речевые нарративные приемы, направленные на создание провокативных посылов и вскрывающие авторские смыслы, интенцию и установку на оказание желаемого коммуникативного воздействия.

Ключевые слова: деградация политического дискурса, медийная коммуникация, деструктивная направленность, провокационный посыл, идеологический вызов, авторский замысел, нарративные приемы.

Происходящие с начала XXI века кризисы в современном обществе не могли не вызвать кризисные состояния соответствующих наук, а также стимулировать интерес к ним со стороны исследовательского сообщества. На фоне обострения конфликтов в политической сфере проблема отношений между властью, языком (дискурсом) и обществом вышла на первый план, выдвинув основные области лингвистического исследования в политической лингвистике: политический язык СМИ; язык политиков; язык в политике, язык граждан, говорящих о политике [11]. Среди известных классификаций разных форм политического языка значительный интерес представляет типология А. П. Чудинова, в которой используются важнейшие для политической коммуникации критерии: характер субъекта; жанры письменной и устной форм речи; жанры монологической и диалогической речи; жанры функциональные; жанры по объему информации и жанры по цели высказывания. Особое внимание привлекают характеристики политического языка средств массовой информации, включающего собственно политическую коммуникацию (автор – политик) и медийную политическую коммуникацию (автор – журналист), в терминологии А. П. Чудинова [10].

Профессор Технического университета Дрездена В. Патцельт, обсуждая кризис в политической науке, критикует узость подхода к исследованию политического дискурса,

который «гораздо легче понять и проанализировать, чем те социальные процессы, которые только отражаются, но не исчерпываются им» [15]. Помимо исключения анализа социальных условий в дискурсе исследователи отмечают также влияние «западного этноцентризма», отсутствие историко-сравнительного аспекта, необходимость критического отношения к происходящему, требование опоры на политическую практику и влияние на нее [3, 6, 10]. Указанные выше ограничения в создании и анализе материалов медийной политической коммуникации свидетельствуют о подчинении используемых ресурсов достижению главной цели политического дискурса в кризисном состоянии, неспособного критически, объективно, ломая установившиеся рамки конвенциональных описаний и т.д., что в итоге приводит к его деградации.

Установка автора на получение политического медиатекста с заданными характеристиками обуславливает выбор опасных технологий коммуникативного воздействия: технологий дезинформирования, угроз и иных этнологических мишеней [9], приемов черной риторики [2]. Для иллюстрации кризисных симптомов политической науки В. Патцельт пишет о том, что «позволительно излагать свои политические взгляды даже в том случае, автор не может обосновать научно «как правильные» и ограждает себя от интеллектуального дискомфорта прикладных политических вопросов [6, с. 75].

В последние годы заметно увеличилась функциональная нагрузка нарративных технологий, декларирующих абсолютную свободу конструирования реальности и навязывания своей правды адресату. Этому способствуют специальные виды нарративной модальности: пресуппозитивная, эвиденциальная, персуазивная, идеологическая [5].

На наш взгляд, не меньшая роль в этом отводится средствам создания деструктивной направленности политического медиатекста как одного из важнейших признаков его деградации. Возникнув как разновидность экстремистского и девиантного поведения личности в зарубежной и отечественной социальной психологии (Osgood Ch. E., Walker E. G. E. В. Распопин), термин *деструктивный* был заимствован в область исследования публицистики и дискурс политических лидеров, в поведении которых обнаруживаются черты неконтролируемого поведения (Ю. А. Антонова, М. Б. Ворошилова, М. А. Осадчий). В результате содержание возникшего словосочетания *деструктивный текст* наполняется актуальными в политической коммуникации идеологическими смыслами и поднимает проблему отражения субъектно-объектных отношений: деструктивный текст приобретает статус объекта исследования, включающий категорию объекта в семантическое пространство деструктивного текста. являющего собой «приложение деструктивной активности субъекта» [4, с. 244]. В данной статье в центре анализа находится автор текста деструктивной направленности, который по своему усмотрению наполняет его элементами, усиливающими его агрессивное звучание. Этой цели оптимально подходят нарративные приемы, дающие создателю текста неограниченную свободу выражения субъективности в эмоциях, оценках, суждениях и мнениях. Как из-

вестно, получивший официальное признание в конце XX века «нарративный поворот» означает «рассказ *кого-то*, адресованный *кому-то* о *чем-то*. Кроме того, это рассказ *зачем-то*». Базовые характеристики нарратива включают субъективность, интерсубъективность, интенциональность и аксиологичность. Очевидно, ими не исчерпывается нарратив, поскольку он обладает спецификой, функционируя в разных сферах и нередко вызывая неизбежные разногласия и споры. Следовательно, список характеристик нарратива может быть дополнен параметром конфликтности.

Признавая идеологическую подоплеку субъективности политического нарратива, следует учитывать главный механизм деструктивного нарратива, связанный с отношением к факту и его роли в тексте. Для данной цели удобными оказались утверждения Р. Барта, изложенные в концепции дискурса истории относительно статуса факта, который представляет, по мнению ученого, «всего лишь элемент ... дискурса, а не часть объективной реальности. Чтобы появился факт, всегда нужно сперва ввести какой-то смысл; метаязык всегда предполагает совершенно определенную – коннотативно зашифрованную – субъективную позицию [1, с. 438, 439].

По нашим наблюдениям, огромная нарративная нагрузка в деструктивных текстах приходится в значительной степени на средства порождения коннотаций. В литературе о культурной коннотации среди множества теорий менее других известна концепция Дж. Лича, охватывающая все разновидности ассоциативных значений, включающих социальное, аффективное, коллективное и отраженное, способные приобретать текстуальную коннотацию [14]. В результате в словах, обозначающих смысловые центры, «как бы размывается прямое, предметное значение, а на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слов» [7, с. 22]. Процесс создания деструктивной направленности политического текста включает использование приемов порождения резко отрицательных коннотативных смыслов в тексте. Деструктивность текста, закрепляющего характеристики качественной деградации репрезентируемого им дискурса, обусловлена появлением провокационных посылов, вскрывающих имплицитные смыслы. Нарративные приемы способны выполнять роль средств разжигания ненависти, межнационального и других видов конфликта и вражды, провоцирования межгосударственных противоречий и столкновений. Такие сигналы провокации локализуются на любых уровнях текста, реализуя авторскую интенцию и установку на создание провокации.

Ярким примером этого метода является создание неологизмов с заведомо провокативным посылом и ярко выраженным идеологическим вызовом, напр., *Rushism* как разновидность тоталитарной, фашистской идеологии, симбиоз основных принципов фашизма и сталинизма. Слово не только получает подробное описание в английском словаре, но и используется в современных условиях в качестве производящей основы

(с производным *Rushistii*). *Rushism* (рашизм) – *Russian version of Nazism. Z is their symbol just as the swastika was the symbol of Nazism. Rushism is a form of fascism, with disdain for liberal democracy and the western parliamentary system. Its extreme nationalism originated in the perceived greatness of the former USSR. It embraces a cult of violence against everyone not identified Russian. It often claims opponents are Nazis. The Rushisti aim to unite all Russian living in historically USSR territory, as well as gain additional lands for expansion* (Urban Dictionary).

В дискурсе может происходить выбор единиц с резко отрицательной оценкой из произвольно сближаемых в контексте семантически не равнозначных номинаций. Данный прием был характерным для выступлений Д. Трампа, который не скупился давать объяснения своим решениям. Например, *It is the level of stupidity that is incredible. I'm telling you, I used to use the word incompetent. Now I just call them stupid* (Your Dictionary). Этот выпад направлен в сторону Госдепартамента США после его решения направить войска в Сирию. Согласно словарным дефинициям (Cambridge), *incompetent* (not having the ability to do something as it should be done) и *stupid* (silly or unwise; showing poor judgment or little intelligence) довольно сильно отличаются составом сематических компонентов в содержании, что, однако, не мешает политике манипулировать ими в своих оценках, легко переходя с одного атрибута (некомпетентный) на другой (глупый).

Чаще других приемов используется непроверенная или недоказанная информация под видом фактуальной: *I can take Kiev in two weeks, Vladimir Putin warns European leaders* (Reuters). The Russian president reportedly made the threat to the European Commission president during the talks on the Ukrainian crisis. Mr. Putin told J. M. Barroso. "If I want to, I can take Kiev in two weeks". Italy's La Repubblica newspaper reported implying this could be the result if the EU stepped up sanctions against Russia" В данном случае отражается переплетение нескольких приемов передачи субъективной информации, суммирующее главные идеи в содержании меганарратива, включающего выдержки из институционального заявления политического лидера, отзывы на него в разных медиатекстах, институциональных и массовых журналистского типа, создающих достаточно неоднозначную медиакартину благодаря умолчанию, изъятию цитаты из контекста, смещению акцента с условия на результат действия, смешению видов нарративной модальности (идеологической, персуазивной, эвиденциальной). Интегральное использование разных средств способствует усилению провокативного посыла, направленного против российского лидера, и вскрывающего скрытые смыслы и конфликтные вызовы в адрес России.

Обновление установившихся стереотипных ярлыков при создании провокационных коллективно разделяемых за рубежом образов, связанных с практиками обвинения лиц, компаний, партий в странах из блока чужих: *evil empire* (Р. Рейган) и *axis of evil* (Дж. Буш), происходит за счет новых провокативных обозначений. Например, *Europe has become a 'hostage' to Russia over energy, analysts warn. Fears of Russian 'blackmail' over gas*

pipeline to Germany (CNBC). Аналитики CNBC представляют Европу в образе коллективного заложника Газпрома, представленной в образе компании шантажа, якобы живущейся на газовом кризисе в Европе. Газовый конфликт, возникший, на первый взгляд, на коммерческой почве, представлен как пример *proxy war* (a war fought between groups or smaller countries that each represent the interests of other larger powers, and may have help and support from these) (Cambridge) то есть войны политической чужими руками, развязанной между Россией и США не только за увеличение своей доли на рынке реализации энергетического сырья, но и снижение связанной с этим зависимости европейских стран от России. Пример: *Moscow is choking off supply and pushing up global prices. The first reason is that the gas pipeline would lead the Gazprom having a majority stake in the European market* (nytimes).

Подмена понятия происходит в контекстуально обусловленных медиаобразах, представляющих участников возникающих конфликтов и локальных войн. Стороны, провоцирующие противостояние, с легкостью создают оскорбительные ярлыки, пытаются затушевать свою истинную роль и перенести ответственность на неприятеля. Например, *We must not allow anyone in the Kremlin to get away with misrepresenting our intentions in order to find ex post facto justification for this war of choice* [12].

В данном примере внимание привлекает описание специальной военной операции России в Украине как *war of choice*, которая, по определению Р. Хааса, эксперта по военной политике Госдепартамента США, означает *normally undertaken for reasons that do not involve obvious self-defense, policy options other than military action exist; there is no domestic political consensus as to the correctness of the decision to use force* [12]. Этот термин был введен в оборот в связи с войной США против Ирана, не поддержанной большинством американского народа, не связанной с самообороной, развязанной вместо иных невоенных решений. Такие необоснованные параллели во внешней политике стран преследуют провокативную роль и переносят вину на страну, защищающую своих сограждан против неонацистов, подвергавших их на протяжении многих лет постоянным бомбардировкам.

Вольное обращение с фактами проявляется и в передергивании исторических событий, намеренном искажении причин, ревизии устоявшихся концепций и пересмотре сути реальных фактов. Например, *These conflicts stem from the legacy of the Russian empire and subsequently Stalin's nationality policies of arbitrary borders designed to weaken opposition and strengthen the Soviet state* [13]. В примере содержится предвзятое, порочащее стратегическую линию руководства страны понимание исторических фактов, касающихся национальной политики СССР в отношении национальностей и малых народов, якобы преследующей цель ослабления оппозиции и усиления советского государства.

Таким образом, подводя итог, можно утверждать, что кризисное состояние общества и усиление конфликтных отношений на разных уровнях привело к созданию многоярусной

системы языковых ресурсов, используемых с целью производства текстов деструктивной направленности в медийной коммуникации. Приведенные в статье примеры нарративных приемов создания деструктивных медиатекстов как результата проявления деградации политического дискурса, позволяют заключить, что эта система постоянно развивается и пополняется, обновляя репертуар средств, используемых в провокационных целях против «чужих» как непримиримых врагов. Анализ материалов показывает, что исследователь обязан изучать причины, лежащие за пределами языка, связанные с восприятием и оценкой событий и их участников, которые лежат в основе создания таких текстов. Подобные тексты обладают потенциалом коммуникативного воздействия высокой степени опасности, поскольку они оказывают глубокое влияние на массовое сознание, формируя искаженную картину реальности, усиливая внутреннее противостояние в обществе и порождая новые конфликты во внешнеполитических отношениях.

Литература

1. Барт Р. Дискурс истории // Система Моды. Статьи по семиотике культуры. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – 512 с
2. Гринберг, Т. Э. Политические технологии: ПР и реклама: учеб. пособие для студентов вузов / Т. Э. Гринберг. Москва: Аспект Пресс, 2005. 317 с.
3. Инжечик А. А. Особенности политического языка, общественно-политической лексики и терминология в современном немецком языке / А. А. Инжечик // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. №12(66): в 4-х ч. Ч. 4. – 2016. – С. 108–111.
4. Злоказов К. В. Контент-анализ текстов деструктивной направленности // Политическая лингвистика. 2015. №1 (51). С. 244–251.
5. Кудрявцева З. Г. Средства нарративного позиционирования СМИ в конфликтных ситуациях: автореф....дис. канд. филол. наук. Уфа, 2022. – 24 с.
6. Патцельт В. Переживает ли политическая наука кризис? // Политическая наука. 2018. №1. С. 68–92.
7. Радбиль Т. Б. Мифология языка: Андрея Платонова: Монография. М.: Флинта, 2017. 234 с.
8. Чанышева З. З. Позиционирование альтернативных СМИ в медийной коммуникации // Доклады Башкирского университета. 2020. Т.5, №2. С. 130–136.
9. Чанышева З. З., Полякова А. А. Мишени речевого манипулирования сознанием массового избирателя в предвыборном дискурсе США 2012–2016 гг. : монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. – 234 с.
10. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. №2 (40). 2012. С. 53–59.
11. Burkhardt, A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung / A. Burkhardt // Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. – Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter. – 1996. – S. 75–100 (стр. 80–81).
12. Haass R. War of Necessity, War of Choice. URL: <https://www.cfr.org/excerpt-war-necessity-war-choice>.

13. Knorr M. Legacies of a Lost Empire: Unresolved Territorial and Identity Problems in the Post-Soviet Era URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/legacies-lost-empire-unresolved-territorial-and-identity-problems-the-post-soviet-era> (дата обращения 20.04.2022).
14. Leech. G. Meaning and the English Verb. L-n: Longman, 1987. – 139 p.
15. Patzelt W. Is political science in crisis? [Электронный ресурс]: URL: werner.patzelt@tu-dresden.de

Статья рекомендована к печати кафедрой английского языка и МКК Башкирского государственного университета (д-р фил. наук, проф. А. С. Самигуллина)

Narrative features of political discourse degradation in media communication

Z. Z. Chanysheva

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: chanyshevazz@yandex.ru

The article discusses linguistic peculiarities of political discourse reflecting narrative features of its quality degradation in the process of event coverage. A political discourse degradation as a result of subjective approach is considered on the basis of destructive tenor of media texts. The author traces narrative devices used to create the author's provocative message and disclosing their covert ideas, intent and disposition to produce a desirable communicative effect.

Keywords: political discourse degradation, media communication, destructive tenor, provocative message, ideological challenge, author's intent, narrative devices.